

человеческих отношений. В. Брюсов, всегда тонко чувствовавший пульс современной ему литературы, еще в 1922 г. отнес Б. Пастернака к той группе поэтов, «которые были способны, в той или иной степени, воспринимать дух революции» [2, с. 486].

В поэме «Высокая болезнь» Пастернак смог нарисовать образ и стратега революции, выразившего мысли и чувства народа, и самого автора произведения. По верному замечанию Е. Евтушенко, Пастернак оказался в революции не «гостем», а «глубоко равнодушным свидетелем» [5, с. 178]. Да и сама поэма — не случайное, а чисто пастернаковское произведение, без которого, по мысли Е. Евтушенко, мы так же не можем себе представить поэта, как Блока без «Двенадцати», Маяковского без «Во весь голос», Есенина без «Анны Снегиной» [5, с. 43—44].

Поэма Б. Пастернака «Высокая болезнь» — достойное воплощение образа Ленина в советской поэзии 20-х годов. В оценке этого произведения вредны перехлесты — как отрицание этого несомненного факта [3, с. 271], так и неудержимое суесловие, стремление поднять поэта в раскрытии этой темы над его великими современниками [6, с. 10].

1. *Ахматова А.* Сочинения: В 2 т. М., 1986. Т. 1. 2. *Брюсов В.* Сочинения: В 2 т. М., 1987. Т. 2. 3. *Бушин В.* Если знать и помнить // Молод. гвардия. 1988. № 2. 4. *Вознесенский А.* Свеча и метель // Правда. 1988. 6 июня. 5. *Евтушенко Е.* Завтрашний ветер. М., 1987. 6. *Евтушенко Е.* Русская муза XX века // Огонек. 1987. № 29. 7. *Лихачев Д. С.* Звездный дождь // Б. Пастернак. Воздушные пути. М., 1982. 8. *Любимов Н.* Несгораемые слова. М., 1988. 9. *Маяковский В.* Полное собрание сочинений. М., 1957. Т. 6. 10. *Михайлов Ал.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1986. Т. 1. 11. *Пастернак Б.* Избранное: В 2 т. М., 1985. 12. *Пастернак Б. Доктор Живаго* // Новый мир. 1988. № 4. 13. *Переписка Р.-М. Рильке, М. Цветаевой и Б. Пастернака* // Дружба народов. 1987. № 6. 14. *Раков В.* Образ В. И. Ленина в поэзии Сергея Есенина // В мире Есенина. М., 1986. 15. *Сердобрякова Г.* О других и о себе. М., 1968. 16. *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М., 1987.

Статья поступила в редколлегию 08.10.89

М. М. Радецкая, доц.,
Ворошиловградский пединститут

Образ М. М. Пришвина в советской поэзии

М. Пришвин занял почетное место в советской литературе, поэтому понятен постоянный интерес к его личности и творчеству не только читателей, литературоведов, критиков, но и художников слова, посвятивших ему многосменные историко-биографические произведения в стихах и прозе, жанровую природу которых еще В. Белинский удачно определил как «поэтическую»

биографию». Гармоническое слияние личности М. Пришвина с сотворенным им художественным миром, поэзия пришвинских уголков России обусловили четкую и бесспорную концепцию образа, синтез трех равноправных начал: личности, творчества, «малой родины» писателя.

Авторы «поэтических биографий» Пришвина шли, разумеется, не только от творчества художника, от фактов биографии или от личных впечатлений. Ими было принято горьковское понимание художника-новатора, «большого и настоящего писателя», «прекраснейшего», «удивительно оригинального» [4, т. 30, с. 348], «крупнейшего поэта и великого жизнелюбца» [4, т. 30, с. 35].

Стихотворная пришвиниана многожанровая. Она включает в себя цикл сонетов, триптих, лирическую миниатюру, эпизод из жизни писателя, философский вывод, рожденный свежим прочтением его творчества. Пришвин в биографической поэзии понят не столько через свою монументальную прозу, сколько через лирико-философские миниатюры, воплощающие его «сердечную мысль».

Для приближения к современникам образа живого Пришвина, человека и художника, много сделала в своих статьях и книгах В. Д. Пришвина, нарисовавшая неповторимый образ «агронома с философского факультета», знатока и ценителя музыки великих немцев прошлого. Знаменательно, что посвященную ему книгу «Наш дом» [18] она открывает главой «Образ художника». Эпиграфом ко всей художественной пришвиниане могли бы стать слова: «...но бывает иногда — человек ушел, а потом с каждым годом изумленно наблюдаем, как совершается его возврат в нашу жизнь» [18, с. 5]. Пришвин в стихах о нем — носитель народной морали, мудрости, хранитель народного языка.

Разумеется, у каждого поэта-«биографа» Пришвин свой, неповторимый. Но есть какие-то общие, краеугольные камни концепции образа, его социально-философской, мировоззренческой сути, вырастающие из образа автора: «видение души человека в образах природы» [17, т. 3, с. 388], «показать мир в красоте» [17, т. 3, с. 354]. Образ писателя в советской биографической лирике заостренно полемичен по отношению к тем критикам, которые, вслед за З. Гиппиус, видели в нем «бесчеловечного писателя». Пришвин, понятый в современной поэзии как певец гармонии Человека и Природы, писал: «путь мой правильный и поистине русский, народный» [17, т. 3, с. 26].

Глубинную суть человеческого образа Пришвина в его художественной биографии выразил поэт В. Цыбин: «Пришвин возвращает нам красоту обыденной жизни, красоту окружающей нас природы... Так и кажется, что Пришвин всю жизнь писал какую-то огромную поэму о земле и человеке на ней, так много в его произведениях человеческой отзывчивости, ритмического чувства жизни» [26, с. 78—79].

Пришвин принадлежит к тем художникам слова, постижение человеческого и писательского масштаба которых приходит к современникам лишь со временем. При жизни писателя своеобразие тематики его произведений, их жанрово-стилевое новаторство, сочетание поэзии с философичностью мысли, детскость первовидения прежде всего были «нашупаны» блистательной плеядой юмористов и пародистов 30—40-х годов. В дружеском тоне «чистейшее дитя охотничьей природы» нарисовал известный пародист А. Архангельский. Пародии и шаржи на М. Пришвина печатали А. Раскин. К. Елисеев, Ал. Флит. Но параллельно шло осознание Пришвина как образа-символа: «седого поэта», кудесника леса, ведуна, постигшего язык природы. Таким предстает он в стихотворении Сайфи Кудаша «Весна» (1949, пер. с башкирского Трубицына):

Бродит по лесу поэт седой,
Радостью сверкает молодой.
Говорит он с купою берез,
Дубу вдруг ответит на вопрос.
Он испишет несколько страниц
И запишет песенку синиц,
Вешний воздух пьет и пьет старик,
Словно то — живой воды родник [1, с. 433].

Пришвинские мотивы поэзии русского леса проходят через все творчество А. Яшина, поэта и прозаика, ему посвящен цикл поэтических очерков. Дебри России воспринимаются в них как глухомань, «где даже Пришвин, верно, не бывал» [31, с. 44].

Стихотворение, из которого взята эта строка («Весеннее»), написано в 1939 г., а в 1945—1946 гг. созданы посвященные ему стихи «Сосновая грива» и «Величальная», проникнутые пришвинским жизнелюбием, влюбленностью в разумную гармонию миропорядка.

Стихи из цикла «Осень» посвящает Пришвину тонкий знаток природы Павел Шубин. Он воспринимает ее через призму прошедшей войны, по-пришвински улавливая приметы живой торжествующей жизни даже в осеннем увядании: «Заснувший на озими день паутинный», «И заячья лежка в полынной ложбине», «Пунцовую тетеревиною бровью заря пламенеет в лесах Подмосковья» [28, с. 163]. «Дорогому, самому дорогому Михаилу Михайловичу Пришвину» посвящает он стихотворение «Краснобровый тетерев токует».

Смерть М. М. Пришвина обострила для исследователей и читателей, собратьев по литературному делу восприятие его личности, творчества, укрупнила его образ как символическое воплощение «весны, которая всегда с тобой». Так озаглавил посвященную Пришвину статью В. Белов.

О типичности этого процесса сказал Н. Азаров: «Смерть писателя, как ни странно, вызывает еще один преходящий интерес к его работе. Прежде, чем наступит время настоящей, непреходящей и долгостойкой оценки в читательском мире,

редакции спешат опубликовать неизданное, извлекаются дневники. Так было с М. Пришвиным, Казакевичем, Пастернаком и Е. Дорошем» [1, с. 90]. Благодарная дань поэту природы была воздана в посвященных ему стихах — реквиемах, поэтических циклах, венках сонетов, рассказах очерково-мемуарного характера, «роковая» примета их — утверждение неповторимости высокогуманной, романтической личности «Андерсена родного леса», «добротного сказочника» (О. Колычев).

В стихотворении О. Колычева «Памяти М. М. Пришвина» (1954) схвачены неповторимые черты ушедшего из мира большого художника:

Но ты и в желтом позументном гробе
Лежал с настороженностью особой,
Охотничьей, присущей лишь тебе,
Как будто ты прислушался к ходьбе
Подземного зверька, к возне в сугробах,
И вот уже готов был записать
Еще одно живое наблюденье
В ту самую заветную тетрадь,
Где что ни запись — то стихотворение...
[10, с. 145].

В биографической поэзии о Пришвине 50—60-х годов акцентируется нераздельность жизни и творчества «красою потрясенного» художника, «земли певца и старожила». Глубоко концептуально опубликованное в «Известиях» стихотворение Я. Хелемского «Читая Пришвина». Поэт пытается передать обычную чистоту и свежесть, светоносность открытого этим художником мира:

Такая чистота звучания,
Такая простота и свежесть,
Как будто входишь в утро раннее,
Под первыми лучами нежась.
Любуешься земной политрою,
Еще неяркой спозаранок,
И слышишь песенку нехитрую
Росой умывшихся зарядок [24, с. 5].

Стихами «Памяти Пришвина» (1957) на смерть писателя откликнулся Виктор Боков, чуткий, внимательный читатель, с которым верным другом идет по жизни «Пришвин, голубой, дареный том», открывший автору, «городскому ученому мужу», поэзию лесной глуши, очарование поэтической напевности пришвинской прозы:

Над поэзией страничек
И над музыкою слов
Щебетание синичек,
Токование ручьев [4, с. 70].

В стихотворении «Памяти Пришвина» Новеллы Матвеевой образ писателя предстает как образ поэтического первооткрывателя заповедных дебрей России: он «разносчик мечты и седой проповедник весны» [14, с. 49].

Александр Плотников в стихотворении «Поэт земли» увидел своего героя в процессе творчества, в зеленой мастерской леса,

на пеньке, с рюкзаком и ружьем у ног, чутко вслушивающегося в мир живой природы:

Земли поэт и старожил,
Он над строкою ворожил,
И ей, родной земле своей,
Бессмертный гимн сложил [16, с. 35].

Юрием Черновым, автором стихотворения «Близ дачи Пришвина», природа «прочитана» по книгам писателя; даже птицы в лесу, словно «прилетели с прочитанных в детстве страниц» [27, с. 53]. Для Аркадия Соловьева Пришвин после смерти растворился в природе, вместе с ветром ласково треплет шумные листья берез. Он «кудесник», который помог современнику «мир лесной навсегда полюбить» [20, с. 37].

В творческую лабораторию Пришвина — художника слова ведет читателя Юрий Куранов. Книги Пришвина для него — метафора громадной девственной тайги, с оставленными опытным автором-следопытом затесами-указателями:

...там один в глухих трущобах
Шагает человек с мечтой своей бок о бок,
Чтоб новый путь открыть, оставить новый след,
Туда, где никогда не умирает свет,
Которого ты здесь прочел лишь отблеск дальний,
Придя за автором к неведомой поляне... [19, с. 70].

Для поэта-моряка Дмитрия Тихонова томик любимого писателя в Норвежском море, у Полярного круга — «голос весенней капли», «ковер из кукушкина льна», словом, кусочек родины:

За правду великую эту,
Сокрытую в слове простом,
Вожу я по белому свету
Покойного Пришвина том [21, с. 55].

Итогом поэтических раздумий над образом Пришвина, попыткой создать целостную концепцию человека и художника в наиболее трудной классической форме стиха — венке сонетов стала книга Петра Усачева «Весеннее равноденствие». В ней цикл, посвященный Пришвину, назван «Певец земли родной». Великий патриот, чуткий и тонкий «певец природы русской», «чародей слова», нашедший в жизни «свой тупик» (слова М. Пришвина), — не камерный герой, а подлинно народный художник, «красою потрясенный человек», воспевавший единство людей и природы. По зову сердца он ушел в природу,

Чтобы быть среди народа и с народом,
Постичь душою сказочную речь [22, с. 86].

Автор венка сонетов пытается создать живой, многомерный образ художника-романтика, противника модернистских изысков, писателя вечного поиска, разорвавшего Кашееву цепь мещанства («друг строгой красоты и недруг моды, он до конца самим собою был»). Поэт находит формулу, определившую в творчестве его героя два разных начала:

И в чистом зеркале живой природы
Он душу человека отразил [22, с. 100].

Для него Пришвин, ощущающий радость от общения с природой, — вечный большой ребенок.

Авторы биографической лирики о Пришвине, созданной в последние десять—пятнадцать лет, чутко реагировали на идейно-стилевые поиски современной поэзии. Расширяется диапазон проникновения в психологию творчества художника, которое уже читается в контексте мировой литературы; сложнее, драматичнее воспринимается характер и судьба писателя, который «до конца самим собою был». Не свободная от общих для историко-биографического жанра издержек и просчетов, поэтическая пришвиниана в целом становится зрелее, глубже, филологичнее.

Это сказалось и в книге стихов Мих. Цуранова «Карна», вышедшей в 1970 г. с предисловием Р. Гамзатова. Образ писателя в ней вписывается в мир вековечной, мудрой, сказочной России. Он «за снежной мглой» чутким ухом различал, «как колокольчик луговой роняет синий звон». Ему покорно зверье: «и серый волк, как будто пес, ложится возле ног». Он «деревьев знал язык, птиц различал по голосам». Для автора его герой — великий поэт земли:

Никто не мог так передать
Красы полей и рек
И так о лесе рассказать,
Как этот человек [26, с. 12].

Назад к природе — вместе с Пришвиным, эта мысль стала осью первой книги М. Маракулина «Дом под звездами» (1972). В поэтическом мире автора Пришвин, герой двух стихотворений, — свой человек, хозяин и певец земли. В стихах о последних днях Пришвина, передавшего красу мира в трагических, написанных в Боткинской больнице строках, звучит вера в общечеловеческое и непреходящее значение его наследия:

Он чемпионом был, седой старик,
Писателем всемирного размаха:
Его талант совсем не ведал страха,
Создав обойму драгоценных книг [23, с. 22].

В маленьком цикле-триптихе Евг. Яковлева «Читая Пришвина» [29, с. 37—38] писатель формально присутствует лишь в эпиграфе, взятом из его творчества: «Правда — это значит победа совести в человеке». Но он живет в стихах как образ-идея, как певец светлого, доброго и разумного в мире. «По Пришвину», пробьется сквозь толщу земли зеленая травинка, потому что «правда бьется, Правда победит». «Хохочущий ручей», несущий волны в океан, противопоставлен любящей лишь себя стоячей воде. Добро и свет в стихах, по Пришвину, торжествуют над Кашеем, властителем зла.

Стихи Вас. Казанцева «Долистываю Пришвина дневник» принадлежат к тем явлениям нашей лирики последних лет, в которых исповедальная, дневниковая проза больших художни-

ков становится поводом для трагических и сложных размышлений о «последней меже», «невидимой ограде», заглянуть за которую позволяют записи Пришвина, где и на предпоследней странице живет жизнь: «Теплом дохнуло, снег погас. Обмяк. В окно стучалась поутру синица. Слабеет зренье. Тяжелеет шаг...» [6, с. 25].

В стихах Марата Картмазова «Памяти Пришвина» нет живого, пластического образа писателя. Через них проходит цепь философских ассоциаций, восходящих в его биографии и творчеству. И это тоже одна из глубинных примет «поэтической биографии» последних лет. Поэт развивает мысль известной элегии Е. Баратынского «На смерть Гете» о преодолении гением, проникнувшим в тайны Вселенной, роковой «последней межи». Таков и Пришвин, ведающий не только «живой язык растений» («его придумал бог, его усвоил гений» [8, с. 26]), но и тайны природы.

Вероятно, одним и тем же фактом навеяны лирические этюды о Пришвине Григория Пяткова «Пришвин» [19] и «Речь писателя Пришвина» [9] Игоря Кобзева, в которых старый мудрец вносит в мир узких, профессиональных писательских забот струю живой жизни.

Пришвинский светлый мир природы разлит в стихотворении Льва Озерова «Надпись на томе Пришвина». Как философский вывод из его творчества, в стихах рождается метафора, передающая суть самого писательского ремесла, материалом для которого становится жизнь:

Шумит ветвями слово
Затем, что в переменчивой тиши,
Подобно току ручейка лесного
Идет работа творческой души [15 с. 161].

Всего четыре строки в стихотворении В. Берестова «Читая Пришвина»:

Сиянье снега в феврале
Поэт назвал весной света,
И вот — по милости поэта —
Весны чуть больше на земле [2, с. 4].

В. Д. Пришвина в статье «Искусство видеть мир» заметила: «Весна света — эти слова в нашей литературе произнесены впервые М. М. Пришвиным, и они были не только поэтическим образом наступающей весны, но и точным наблюдением признаков этого наступления, ведь в природе весна начинается светом, и начинается она намного раньше, чем человек привык ее замечать по теплу, таянию, ручьям» [26, с. 28]. Этот образ из пришвинских «Родников Берендея» стал для поэта критерием оценки долгой писательской жизни большого художника.

Трудно исчерпать порожденный Пришвиным мир поэтических образов и идей в стихах наших современников. Так, особой темой их стали лирические раздумья о «малой родине» писателя, об органической вписанности образа седого мудреца в скромный пейзаж средней полосы России, о неповторимости

разлитой вокруг него атмосферы, о пронизанности всего, что окружало его при жизни, присутствием яркой и красивой личности человека-творца. Можно назвать стихи В. Азарова «В доме поэта», Ю. Чернова «Близ дачи Пришвина», Е. Карасева «Дом Пришвина», «Пришвинский мостик» А. Яшина. Е. Карасев нашел неповторимые приемы для обрисовки последнего жителя живого Пришвина:

Высокий дом глядит из полумрака,
Великое спокойствие храня,
И пришвинская добрая собака
Давно уже не лает на меня [7, с. 139].

Поэт услышал в Дуние говор «кудрявых деревьев» «на пришвинском чистейшем языке», увидел идущую от крыльца тропинку — в глубину самого мироздания, «туда, где вечно царствует природа, где откровенью жизни нет конца».

Космическое дыханье пришвинских мест уловил И. Федорин [23]. Пришвин после смерти своей — «хозяин-владелец вешней чаши»; он не умер, а ушел с холодными туманами, сохранив ключ от Кладовой Солнца. Он «художника перстами» водит по холсту белых снегов. В пришвинских местах птицам доступен язык человеческий, потому что «все на его любви росло, пускало корни», потому что все, взятое им и оставленное людям — от мощи земли.

В вышедшей уже после смерти А. Яшина книге «День творенья» есть стихотворение о мостике через речку Родинку, названное именем Пришвина, чуткого к каждому движению жизни:

Качнется ли в хвое белочка быстрая,
По берегу ласточка пробисерит —
Он весь замрет
И смотрит пристально,
Как будто сохач рога свои выставил
Иль в небе чуть видный орел парит [30, с. 49].

Следует сказать, что к образу Пришвина не всегда обращались поэты, близкие ему по мировоззрению и мере таланта. В поэзии отразился не весь Пришвин, какие-то мелодии пришвинской симфонии красок прозвучали лишь одной струной в оркестре. Писавшие о Пришвине поэты не спаслись от общей болезни жанра «поэтической биографии» — идеализации и модернизации.

В целом же художественная пришвиниана, в которую внесли вклад мастера разных творческих манер и дарований, отмечена отчетливым стремлением средствами поэтической образности донести до читателя неповторимость внутреннего мира большого писателя. Если говорить о том образе Пришвина, который вырастает из них, то вспоминается сказанное некогда писателем о его фотоработах: «Мои фото издадут, и все будут удивляться, сколько у этого художника в душе было радости и любви к жизни» [26, с. 330].

1. Атаров Н. Когда не пишется // *Вопр. лит.* 1982. № 4. 2. Берестов Валентин. Памяти Пришвина // *Знамя*. 1978. № 8. 3. Боков Виктор. Заструги. Стихи. М., 1958. 4. Горький А. М. Письма // *Собр. соч.*: В 30 т. М., 1955. 5. Инбер В. За много лет. М., 1964. 6. Казанцев Василий. Выше радости, выше печали. М., 1980. 7. Карасев Евгений. Сбереженная нежность. Стихи. М., 1976. 8. Картмазов Марат. Полярный снег. М., 1977. 9. Кобзев Игорь. Речь писателя Пришвина // *Лит. Россия*. 1978. № 14. 10. Колычев Осип. Закаты и рассветы. Лирика. М., 1957. 11. Кудаш С. Избранное. Уфа, 1954. 12. Куранов Игорь. Михаил Пришвин // *Охотничьи просторы*. Альманах 14. М., 1960. 13. Маракулин Павел. Дом под звездами. М., 1972. 14. Матвеева Н. Лирика. Первая книга стихов. М., 1961. 15. Озеров Лев. Вечерняя почта. Книга стихов. М., 1973. 16. Плотников Александр. Земное притяжение. Стихи. Горький, 1962. 17. Пришвин М. М. Собрание сочинений.: В 6 т. М.; Л., 1966—1967. 18. Пришвина В. Д. Наш дом. М., 1978. 19. Пятков Григорий. Эхо времени. Стихи. М., 1978. 20. Соловьев Аркадий. Памяти М. М. Пришвина // *Наша охота*. Сб. 4. Л., 1968. 21. Тихонов Дмитрий. Подо мной океан. Стихи. Очерки. Зарисовки. Калининград, 1968. 22. Усачев Петр. Весеннее равноденствие. Стихи. К., 1968. 22. Федорин Игорь. Крылья дорог. Стихи. М., 1980. 24. Хелемский Я. Читая Пришвина // *Известия*. 1961. № 204. 25. Цуранов Михаил. Карна. Стихи. М., 1970. 26. Цыбин В. Д. Во всем поэт // *Пришвин и современность*. Сб. ст. М., 1978. 27. Чернов Юрий. Костры. Стихи. М., 1966. 28. Шубин Павел. Стихотворения. М., 1982. 29. Яковлев Евгений. Тропинка. Стихи. Архангельск, 1976. 30. Яшин Александр. День творения. Новая книга стихов. М., 1968. 31. Яшин А. Стихотворения. М., 1958.

Статья поступила в редколлегию 08.10.89

О. Ф. Кобелева,
Запорожский университет

Проблема «отцов» и «детей» в современной советской литературе (уроки Тургенева)

Проблема «отцов» и «детей», взаимоотношения поколений приобретает в наше время особую остроту. Критическое переосмысление прошлого в развитии нашей страны выдвинуло новую грань этой извечной темы; возник вопрос: как «честно осмыслить немалый отрезок времени с тем, чтобы, не разрывая уз родства с прошлым, суметь отказаться от ложного наследия и извлечь из вчерашнего дня правильные уроки?» [14]. В современной публицистике и литературе отмечается опасность нигилистского отношения к старшему поколению, отрицания его достижений, разрыва преемственности [19].

Один из виднейших современных писателей-философов Габриель Гарсиа Маркес, размышляя над истоками конфликта «отцов» и «детей», отметил: «Мы, взрослые, часто считаем, что все, непохожее на нас, все, делаемое не так, как мы привыкли, — плохо. Думаю, что столь же непримиримо молодые относятся к мыслям и поступкам старших. Более того, мне кажется, они считают, что все взрослые — консерваторы, неспособные понять чувства и позиции молодых. Это то, что испокон